

ДЕКОЛОНИАЛЬНОСТЬ ЗНАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ДЕКАДАНСА

М.В. ТЛОСТАНОВА

В статье затрагивается проблема пролиферации и деонтологизации дисциплин в рамках критического рассмотрения феномена хюбриса нулевой точки отсчета как основания эпистемологической матрицы западной модерности, характеризующейся колониальностью знания. Данные феномены анализируются через призму гносеологических оснований философии деколонизации и задачи деколонизации наук о человеке. В качестве успешного применения этих принципов в статье рассматривается философия и архитектура (по)знания Университета Амаутай Уаси в Эквадоре.

Ключевые слова: дисциплинарный декаданс, хюбрис нулевой точки отсчета, колониальность знания, трансдисциплинарность.

Зачем и кому нужны дисциплины?

Зачем сегодня нужны дисциплины и жесткие деления на них? Меня всегда удивляло, что в нашей стране специалисты воспринимаются как философы, филологи, историки и т.д., а не гуманитарии в широком смысле, как это перво-

начально задумывалось и по сути сохранилось в академической системе большинства стран. Предвижу возражения защитников узкой и устоявшейся дисциплинарности. Но в чем причина такой реакции? Не стоит ли за этим корыстная цель – скрыть за частоколом дисциплинарных подпорок отсутствие мысли и своего «проекта» (не в современном смысле коммерческого предприятия, а некоего экзистенциального и гносеологического самовоплощения). Поэтому тот же ВАК изобретает бесконечно плодящиеся микроспециальности и периодически запрещает соискателям переходить из одной сферы в другую. За этими, казалось бы, частными вопросами стоит феномен *колониальности знания* в его специфической позднемодерной форме, отмеченной неизменным *хюбрисом нулевой точки отсчета* и *дисциплинарным декадансом*. Предвосхищая недоумение спотыкающихся об эти далеко не общеупотребительные термины, я сконцентрируюсь на эпистемологических проблемах в интерпретации мало известного в России международного социально-гуманитарного течения, охватывающего представителей нескольких континентов, в рамках которого работаю вот уже около десятилетия¹. Это *деколониальный поворот*. А непривычные термины, приведенные выше, являются частью процесса деколонизации гуманитарного знания.

Надо отметить, что и в нашей стране в последние годы гуманитарные и социальные дисциплины озаботились проблемой взаимных переключек, определения принципов размежевания и осмысления феномена междисциплинарности. Эта проблематика разрабатывается на самых разных уровнях – от конференций, научных сборников и монографий до институциональной деятельности, в том числе и в сфере разработки государственных образовательных стандартов, реестров научных специальностей и направлений. Но, несмотря на модные разговоры о необходимости междисциплинарности знания, реальные процессы как в академической, так и в учебной (вузовской) области идут в противоположном направлении, в сторону все более

¹ Подробнее о деколониальном повороте см. спецвыпуск журнала *Cultural Studies*. March 2007. Vol. 21, № 2/3, Routledge; коллективную монографию *Genero y descolonialidad* из цикла *El desprendimiento: pensamiento crítico y opción descolonial*. Ediciones del Signo and Globalization and Humanities Project (Duke University), Buenos Aires, 2008; статьи *Mignolo W., Tlostanova M.* The Logic of Coloniality and the Limits of Postcoloniality // *The Postcolonial and the Global: Connections, Conflicts, Complicities*. University of Minnesota Press, Minneapolis, 2007. P. 109–123; *Mignolo W., Tlostanova M.* Global Coloniality and the Decolonial Option // *Kult 6. Special Issue. Epistemologies of Transformation: the Latin American Decolonial Option and its Ramifications*. Fall 2009. Department of Culture and Identity. Roskilde University. P. 130–147; *Mignolo W., Tlostanova M.* Theorizing from the Border. Shifting to the Geo-Body-Politics of Knowledge // *European Journal of Social Theory* 2006. № 9/2. P. 205–221; материалы веб-досье *Worlds and Knowledges Otherwise*. – <http://www.jhfc.duke.edu/wko/> и др. На русском языке см.: *Тлостанова М.В.* Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания // *Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук*. 2008. Т. X, вып. 5–6 (44–45). С. 170–183; 2009. Т. XI, вып. 1, № 46–47. С. 143–157 и др.

узкой и архаичной специализации, выстраивания непроходимых границ между смежными дисциплинами и явственных попыток узаконить эти барьеры, превратив каждую узкую специальность в цитадель цеховой корпоративности. Однако старые дисциплины и старая модель генерирования, трансляции и подачи знания уже не работают, и если мы стремимся к подлинной интернационализации образования и науки, невозможно продолжать некритично воспроизводить эти принципы, а также инструменты их приложения: герметично структурированные кафедры, жестко привязанные к ним специализации, устаревшие дисциплинарные принадлежности и еще многое, что не вписывается в новую архитектуру транскультурного мира, его субъекта и гносеологических оснований.

В таких условиях в принципе невозможны возникновение и легитимация новых областей знания, актуальных для мировой науки. Последнее связано с непониманием того, что новые и часто трансдисциплинарные дискурсы – не просто в смысле нахождения на стыке уже устоявшихся дисциплин, а в смысле их преодоления, – нередко имеющие источником незападные пространства и опыт и актуализировавшиеся в мировом масштабе в последние три десятилетия, важны и для России, иногда в весьма болезненном смысле. Их освоение и переосмысление необходимы для успешного и осознанного вхождения в глобальный научный диалог, где пока наш коллективный голос по большому счету отсутствует. Это происходит не только по причинам упавшего интереса к побежденному в холодной войне врагу, который продуцирует для мирового Севера только лишь культуру или нефть, но никак не философию или социальную теорию, но и в силу нашей собственной хронической неспособности к саморефлексии и продуцированию конкурентоспособного теоретического знания. Мы продолжаем воспроизводить привычную модель реактивного описания, случившегося с опорой на запоздало входящие в наш контекст или традиционные западные источники, уже потерявшие актуальность в мировой рефлексии, тем самым закрепляя свое отставание в этой области, фиксируя точки невозврата, которые окажутся гораздо более пагубными в будущем, чем технологическое отставание. Это закрепляет вторичность гуманитарного знания в нашей стране и практически его отсутствие для остального мира, ведет к вялости и оторванности науки от живой социальной и политической реальности.

Тем важнее развивать проекты регуманитаризации знания и образования в XXI в.² В эпоху Возрождения гуманитарные науки были

² Эта проблема в последние несколько лет находится в центре внимания как западных, так и незападных интеллектуалов. Среди них и известные европейские философы, например Дж. Ваттимо, сетующий на то, что гуманитарное образование превратилось в «вымирающего динозавра» (*Vattimo J. The Post Enlightenment University. A Public Lecture. 2006. November 28. Duke University Center for Global Studies and the*

основными для гуманистов в их познании мира. В кантовско-гумбольдтовском университете³, главенствовавшем в постпросвещенческом мире вплоть до Второй мировой войны, изучение гуманитарных наук также оставалось в центре архитектуры знания. Но в университете холодной войны⁴ гуманитарные науки оказались оттеснены социальными науками и так называемыми региональными исследованиями (area studies), имевшими прикладные геополитические цели и задачи. С концом холодной войны эта модель перестала удовлетворять мировую науку и образование и стала сменяться новой архитектурой знания, в которой пока наша страна не участвует, поскольку мы продолжаем воспроизводить прежнюю модель университета и знания, в очередной раз фиксируя свое отставание, соотносясь с научным прошлым Запада, соглашаясь с порочной логикой необходимости нашего прохождения по всем этапам западной модерности и догоняющей модернизации. Этот путь в эпоху глобализации и того, что идет ей на смену, не является не только обязательным, но просто тупиковым⁵.

Humanities. – <http://www.jhfc.duke.edu/globalstudies/pdfs/VattimoUNCevent.pdf>; американские социальные философы К. Дэвидсон и Д.Т. Гольдберг, написавшие «Манифест гуманитарных наук в технологическую эпоху» (*Davidson C.N., Goldberg D.T. A Manifesto for the Humanities in a Technological Age // The Chronicle of Higher Education. The Chronicle Review. 2004. 13 Febr.* – <http://chronicle.com/free/v50/i23/23b00701.htm>; представители деколониального знания – участники проекта «Деколониальные гуманитарные науки: к вопросу о будущем высшего образования». В реализации этого проекта участвуют Бременский университет (Германия), Университеты Беркли и Дьюк (США), Институт по изучению голландского рабства и его наследия (Нидерланды) и др. – <http://www.jhfc.duke.edu/globalstudies/>.

³ См. подробнее: *Readings B. The University in Ruins. Cambridge, 1996.*

⁴ *Chomsky N. et al. The Cold War and the University. N.Y., 1997.*

⁵ Критика догоняющей модернизации, в том числе и в сфере продуцирования знания, дискурсов зависимости, а также доказательства усиления неадекватности этих моделей в условиях неолиберальной глобализации, ее масштабного кризиса (не только экономического, но и онтологического и гносеологического) представлены в целом ряде западных и незападных работ ведущих теоретиков последних двух десятилетий (*Wallerstein I. et al. Open the Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social Sciences. Stanford, 1996; Lander E., La colonialidad del saber: Eurocentrismo y ciencias sociales. Perspectivas latinoamericanas. Buenos Aires, 2000; Chukwudi E.E. The Color of Reason: The Idea of 'Race' in Kant's Anthropology // Postcolonial African Philosophy ; ed. E. Chukwudi. N.Y., 1997. P. 103–140; Mignolo W. The Geopolitics of Knowledge and the Colonial Difference // South Atlantic Quarterly. 2003. № 101 (1). P. 57–96; Smith L.T. Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples. L., 1999; Mignolo W., Escobar A. (eds.) Globalization and the Decolonial Option. L., 2009; Mahbubani K. Can Asians Think? N.Y., 2001 ; Lionnet F., Shu-mei Shih (eds.). The Creolization of Theory. Durham, 2011). Большинство работ неизвестны в России и не имеют хождения в академическом мире. Игнорирование этих моделей и упорная приверженность одному санкционированному вектору разворачивания модерности и есть очевидный симптом нашей эпистемологической несостоятельности. Давно ставшая хрестоматийной мысль о множественности интерпретаций реальности, об отсутствии одной истины для всех и о не работающем в гуманитарных науках принципе объективности по-прежнему остается для нашего научного сообщества вредной диковиной. В настоящей работе я представляю определенную точку зрения, которую никоим образом не призываю разделять, поскольку сама не разделяю «хюбрис нулевой точки отсчета» и сопутствующий ему миссионерский синдром обращения всех в свою веру. Суть этой позиции раскрыта мной в целом ряде статей и монографий, часть из которых перечислена в справочном аппарате этой статьи.*

В мире растущей глобальной взаимозависимости устаревшие гуманитарные науки оказываются не готовыми к новым вызовам и условиям, воспроизводя европоцентристские основания, все дальше уходя от социальных дебатов, связанных с современными насущными проблемами, утрачивая главенствующую роль в обсуждении важных для социума вопросов, как это было в эпоху Возрождения или Просвещения. Эта традиция гуманитарного знания должна быть возрождена в университете XXI в. Но для этого надо заниматься не голословными ламентациями по поводу спада интереса к гуманитарным наукам, а активной трансформацией и приближением этих наук и конкретных гуманитарных программ обучения к нуждам современного глобального мира и человека. Сейчас уже ясно, что гуманитарное знание XXI в. будет по необходимости транскультурным⁶, поэтому механизмы, архитектура, структура знания вестфальского мира (т.е. мира наций-государств, по терминологии Нэнси Фрейзер⁷) уже не срабатывают. Нужны другая логика и другое знание и дисциплины и специальности будущего, как и процессы и закономерности их порождения и взаимодействия, которые активно формируются сейчас.

В русле господствующих охранительных тенденций филология оказалась отделена китайской стеной от искусствознания, культурологии, этнологии, а философия и история – от социологии и гендерных исследований, тогда как самые интересные направления мировой науки находятся давно на стыке этих предметных сфер, превосходя их в процессе создания иного знания, иной рефлексии, которые не могут существовать в рамках прежней дисциплинарности. Более того, эти дисциплины имеют пересекающиеся происхождение и генеалогии и связаны с разными стадиями разворачивания риторики модерности. Тем важнее понять, что послужило причиной их окончательного оформления в период светской модерности в том виде, как мы их знаем сегодня, в ходе возникновения современной архитектуры социального и гуманитарного знания, откуда взялась надобность именно в этих дисциплинах, какую общую логику и настрой европейского сознания они выражали или скрывали. Разобравшись в этом, мы сможем увидеть, почему изменившаяся логика мира сегодня требует и изменений в структуре дисциплинарности и переноса акцента с дисциплин как таковых, с их демаркации или возможного пересечения на иную проблематику. Сама постановка вопроса о том, как провести водоразделы между дисципли-

⁶ Транскультурация как эпистема эпохи глобализации рассмотрена мной подробно в статье: *Тлостанова М.В.* Транскультурация как новая эпистема эпохи глобализации // Философский дискурс в контексте кросскультурного взаимодействия. М., 2008. С. 12–37, а также в монографиях: *Тлостанова М.В.* Постсоветская литература и эстетика транскультурации. М., 2004; *Tlostanova M.* The Sublime of Globalization. Sketches on Transcultural Subjectivity and Aesthetics. М., 2005; *Тлостанова М.В.* От философии мультикультурализма к философии транскультурации. Н.-Й., Северный Крест, 2008.

⁷ *Fraser N.* Scales of Justice Reimagining Political Space in a Globalizing World. N.Y., 2008.

нами, уже являет собой пример дисциплинарного беспокойства, основанного на стремлении сохранить во что бы то ни стало все более узкие дисциплины как таковые, как пустое означающее, вместо того чтобы заниматься решением проблем, пересекающих дисциплины, связанных с все более сложной социальной, культурной и художественной реальностью современного мира.

Внутренние деления дисциплин, которые нередко предстают в качестве естественных и испокон веков существовавших, – на самом деле сравнительно недавно по историческим меркам появившиеся иерархии. Они связаны с периодом специализации дисциплин, более резкого расхождения номотетических и идеографических наук и с бурным расцветом компаративистских методологий, которые неизменно сопоставляли все, с чем встречались, с европейской нормой в качестве единственного критерия сравнения. Модерность представляет собой в этом смысле вовсе не исторический процесс, а идею, которая лишь описывает определенные исторические процессы. Эта идея нуждается в системе знаний, которая бы ее легитимировала. Но одновременно с возникновением такой идеи она начинает и легитимировать систему знаний, которая ее создала. Идея модерности и легитимирующая ее система знания стали механизмом для дезавуирования всех других систем знания и представления других исторических процессов как выпавших из модерности. Так проявляется темная сторона модерности, ее изнанка, говоря словами Э. Дуссея⁸, т.е. колониальность⁹. Система, в которой укоренена колониальность, создала особый метаязык, где ее собственное утверждение шло рука об руку с низвержением тех систем, которые этот метаязык описывал как несовременные. Как известно, метаязык имеет способность отделять познаваемое от познающего, сказанное от говорения, создавать эффект онтологии, якобы независимой от субъекта. Тогда модерность превращается в конструкцию метаязыка, который возник в европейском Возрождении и был тесно связан с европейской имперской экспансией. В течение последующих столетий он трансформировался, но суть его оставалась прежней и в эпоху Просвещения, и в европейском романтическом универсализме, и в позитивистский и эволюционистский период с их математизацией и онаучиванием гуманитарных дисциплин. Во второй половине XX в. метаязык модерности оказался снова изменен в рамках неолиберализма, чтобы стать уже глобально господствующим.

Не случайно к концу XX в. в мировой науке и в системах образования давно исчезли многие понятия и дисциплины, которыми мы

⁸ Dussel E. *The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor, and the Philosophy of Liberation*. Atlantic Highlands, 1996.

⁹ Подробно о колониальности см.: Quijano A. *Coloniality of Power, Eurocentrism, and Latin America* // *Nepantla* 1.3. 2000. P. 533–580.

по-прежнему оперируем. Отсутствие эквивалентности в понимании в России и, например, в США тех или иных дисциплинарных единиц и моделей иллюстрируется примером философских наук. Парадоксально, но тот, кто хочет хорошо знать философию постмодернизма, будет вынужден поступить на литературное, искусствоведческое или отделение визуальных или телесных исследований американского вуза, а вовсе не на философское. В США философия вообще давно не является высоко котирующейся специальностью в силу своей бесполезности в условиях рыночного общества, и потому условием сохранения дисциплины является ее развитие в предсказуемом направлении метаматизации, логизации или «оприкладнения». Под словом «философия» в США, как известно, понимают исключительно аналитическую философию, а все остальные ее виды рассматриваются как экзотические примеры интеллектуального производства иностранных культур, для философии безусловно маргинальные. Причем в разряд последних будут отнесены в разной мере вся континентальная (европейская) философия, а также продукция тех пространств, которые вообще лишены права порождать философию в современной таксономии знания (сюда попадет не только Африка или острова Тихого Океана, но и Россия). Таким образом, тот комплекс знаний, который в нашей стране покрывается философией, в США оказывается распределен между разными дисциплинарными областями – от аналитической философии до гендерных исследований, от этнических исследований до антропологии. Но архитектура современного знания постоянно меняется и в последнее десятилетие возникает постконтинентальная философия¹⁰, которая уже преодолевает ограничения и разрывы между континентальной, аналитической философией и прагматизмом.

Колониальность знания и хюбрис нулевой точки

Системы продуцирования знания не парят в безвоздушном пространстве – они связаны с определенными телесными и геополитическими условиями современного/колониального мира, в котором они продуцируются, поддерживаются или изменяются. Ведь через знание возникает и концептуализируется модерность, но также и разоблачается колониальность как ее темная сторона. Здесь важно подчеркнуть для отечественного интеллектуала, не искушенного не только в деколониальной, но и даже в постколониальной теории, что, по меткому замечанию Н. Мальдонадо-Торреса, «колониальность отличается от

¹⁰ См. спецвыпуск веб-досье «Worlds and Knowledges Otherwise» о постконтинентальной философии: <http://www.jhfc.duke.edu/wko/dossiers/1.3/1.3contentarchive.php>.

колониализма... Она касается долговременных структур власти, которые возникли в результате колониализма и определяют культуру, труд, межсубъектные отношения, продуцирование знания... Колониальность переживает колониализм. Она остается живой в книгах, в академических критериях, в культурных паттернах, в здравом смысле и в самовосприятии людей, в их надеждах и чаяниях и во многих других аспектах современной жизни. В определенном смысле мы как современные субъекты вдыхаем колониальность всюду и каждый день»¹¹.

Какой же элемент оставался неизменным во всех проявлениях модерности и во всех дисциплинах, ею порожденных? Они были отмечены одним изъяном – логикой гегемонной европейской системы продуцирования знания с претензиями на то, что она имеет право называть и придавать смысл всему и всем, кого встречает на своем пути. В первой модерности (XVI–XVII вв.) это выражалось в теологическом драйве, а во второй (XVIII–XX вв.) – в квазинаучном стремлении к классификациям, таксономиям, эволюционистским схемам, поискам типологических сходжений и параллелей, которые отметили собой и филологию, и искусствоведение, и историю, и философию, и еще многие дисциплины. В основе этого компаративистского импульса лежала универсалистская европоцентристская идея поисков общности происхождения человечества.

Но под человечеством и человеком подразумевали определенно-го человека, замаскированного под человека вообще. Это был знакомый всем белый европеец – христианин мужского пола, среднего класса, человек современный в противовес традиционному «дикарю» не той веры, сексуальной ориентации, иного цвета кожи или любой другой комбинации. Ренессансное понятие о человеке и человечестве было и осталось важнейшим инструментом в процессе дезавуирования нехристианского и неевропейского знания и утверждения привилегии европейской нулевой точки отсчета. При этом легитимация классификации человечества европейцами основывалась главным образом на эпистемологии, а не на онтологии. Ведь классификация содержится вовсе не в объекте, а в познающем субъекте и в той системе знания, в которой он оперирует. Европейский имперский субъект в виде отдельных людей или институтов и дисциплин на протяжении модерности колонизирует знание (путем присвоения его содержания или путем объявления чужого знания нелегитимным) и бытие¹².

¹¹ *Maldonado-Torres N.* On the Coloniality of Being: Contributions to the Development of a Concept // *Cultural Studies*. 2007. V. 21, No. 2–3. P. 243.

¹² См. об этом подробнее: *Shu-mei Shih.* Towards an Ethics of Transnational Encounters, or “When” Does a “Chinese” Woman Become a “Feminist”? // *M. Waller and S. Marcos (eds.) // Dialogue and Difference. Feminisms Challenge Globalization*. N.Y., 2005. P. 3–28; *Tlostanova M. and Mignolo W.* *Geopolitics of Knowing: Imperial and Colonial Epistemic Differences* (в печати, 2011).

Именно колонизация бытия лежит в основе классификаций групп людей как не вполне рациональных, неразвитых, незрелых, недостаточно мужественных или отклоняющихся от сексуальной нормы. Колонизация бытия – это то, как современная/колониальная система производства знания создавала, поддерживала и воспроизводила расизм и патриархальность. Эти внутренние рычаги и импульсы европоцентристской системы производства знания, основанные в модерности на колониальных и имперских эпистемологических различиях, отражались во всех дисциплинах, сложившихся в период светской модерности и основанных на изучении *иного* как отклонения от своего, на приведении его к общему знаменателю своего или на абсолютизации различия.

Изучение отклонений от идеала человечества с помощью различных дисциплин происходило в рамках особой системы продуцирования знания. Господствующая и сегодня, она основана на хюбрисе (от греч. необузданность, бесчинство) нулевой точки отсчета, по терминологии колумбийца С. Кастро-Гомеса: «Существование множества путей продуцирования и передачи знания уничтожается, потому что все формы человеческого знания выстраиваются в определенном порядке на эпистемологической шкале от традиционного к современному знанию, от варварства к цивилизации, от общины к индивиду, от Востока к Западу... можно добавить, от *anthropos* к *humanitas*. Научная мысль в рамках этой логики позиционируется как единственно признанная форма продуцирования знания, а Европа получает эпистемологическое превосходство над всеми другими культурами»¹³. Хюбрис нулевой точки отсчета – место обозревающего и пространство провозглашения, которое в христианстве принадлежало Богу, а в светской философии – разуму. Нулевая точка есть предел, в котором пребывает обозревающий, причем самого его обозреть при этом нельзя. Как только смертный начинает претендовать на это место, создается неуязвимое пространство провозглашения. Практикующий эпистемологию нулевой точки отсчета делает это не только своим взглядом на мир, но и на том или ином языке и в той или иной мыслительной традиции. Все, кто связан с западными мыслительными и языковыми системами и принципами знания, вряд ли когда-либо смогут войти в дом, где доминирует хюбрис нулевой точки отсчета.

Создание эпистемологической модерности шло рука об руку с эпистемологической колониальностью – колонизацией знания путем присвоения его содержания или полного отторжения и кодировки как незнания вовсе. Все знание, которое не основывалось на латыни и греческом или не было выражено на шести основных языках модер-

¹³ Castro-Gómez S. The Missing Chapter of Empire: Postmodern reorganization of Coloniality and Post-Fordist Capitalism // Cultural Studies. 2007. V. 21, No. 2–3. P. 433.

ности (испанском, итальянском, португальском, английском, французском и немецком), становилось всего лишь любопытным объектом изучения, изъятым из универсальной системы производства знания. Она устанавливала правила политической теории и политэкономии, теологии и философии, искусства и литературы, науки и технологий. Европейская экспансия шла рука об руку с утверждением собственного представления о знании – научного, политического, этического.

Системы продуцирования знания (дисциплины, институции, эксперты и профессионалы в каждой дисциплине) основывались на институтах двух типов – университете и музее, которые являются главными проводниками колониальности знания. Университет развивался от своей теологической модели через светскую кантовско-гумбольдтовскую модель, причем параллельно, в колониальном мире насаждал модель колониальности знания. Во второй половине XX в. к нуждам государства добавились рыночные отношения и университет превратился в корпоративный. Эксперт в корпоративном университете заменил ученого в кантовско-гумбольдтовском университете. Гуманитарные науки превратились в довесок к социальным, которые в свою очередь также стали лишь одной из областей корпоративно-государственного обучения. Прежние модели университета развивались целиком в русле монополической герменевтики в духе Х.Г. Гадамера¹⁴. Ей соответствует монодисциплинарный подход в таксономии знания и в образовании и эпистемология нулевой точки отсчета. Ограниченность этой позиции состоит в том, что вполне определенная западноевропейская традиция, основанная на конкретной локальной истории, выдается за универсальную и используется в качестве критерия для всего человечества. В образовании это ярко выражается в гуманитарных и социальных науках. Методы, категории анализа, понятия – все принадлежит западному пространству современности, но предстает как общечеловеческое и извечное. Растущее число людей, живущих в реальных условиях культурной и эпистемологической диверсификации, отказывается воспроизводить эту европоцентристскую модель образования в качестве универсальной. При этом важно не просто изучать в качестве объекта те феномены и процессы, которые не вписываются в национальный или региональный принцип, не просто поменять форму упаковки знания, набор курсов, эффективность обучения или список модных сегодня компетенций, но деконструировать сами основания знания и обучения. И здесь опыт незападных космологий, систем генерирования знания и куль-

¹⁴ О монополической, диатопической и плюриполической герменевтике см. подробнее: *Глостанова М.В.* Три модели философии образования в 21 столетии // Совет ректоров. 2009. № 10. С. 13–24.

турно-эпистемологических моделей может оказаться важнее для XXI в., чем исчерпавший себя западный.

Вместо роли транслятора обветшавших и к тому же чужих ценностей, моделей и форм знания, роли, фактически дублирующей прогрессистские, ориенталистские и патерналистские подходы мирового Севера, но с поправкой на нашу собственную подчиненную роль в этой иерархии отечественное образование и академическая наука могут взять на себя иную функцию – организации паритетного диалога с представителями незападного мира – от студентов до преподавателей, исследователей, активистов НПО и политического общества в целом в поисках альтернативных моделей знания и иной архитектуры университета будущего. Следует стремиться к выработке гуманитарного знания, которое не продолжало бы западную традицию знания как потребления и объективации иных миров и их жителей. Поэтому международное сотрудничество должно быть выстроено не на уровне институций, рамочных соглашений и экспертных групп, а на уровне реальной коммуникации и понимания между интеллектуалами мира со сходными задачами, ценностными ориентациями, теоретическими подходами и видением будущего мира, с акцентом на онтологических, эпистемологических и этических основаниях деятельности не только в рамках академического мира, но и социальных и политических проектов и движений. Нужно не изучать иное и иных, а анализировать критически определенные актуальные для различных локалов, включая наш собственный, проблемы, но непременно *вместе* с самими иными, стараясь услышать и учесть их точки зрения. Необходимо создавать региональные и глобальные коалиции другого знания и иных множественных форм университета, основанных на плюритопической герменевтике¹⁵. Последняя движется в сторону интерактивного знания и понимания, отражающего сам процесс конструирования той части мира, которая познается. Плюритопический подход подчеркивает не культурный релятивизм и не мультикультурализм, а социальные и человеческие интересы в самом акте рассказывания истории как политического высказывания. Здесь главное – политика воплощения и конструирования места провозглашения, а не разнообразие репрезентаций, являющееся продуктом различных пространств, создающих нарративы и строящих теории. Плюритопическое понимание означает, что хотя понимающий субъект и должен предполагать истину познаваемого и понимаемого, он также должен осознавать существование альтернативной политики пространства с равными правами на истину. В плюритопической герменевтике заостряется вопрос о том, где находится место провозглашения, с которого понимающий субъект

¹⁵ Mignolo W. The Darker Side of the Renaissance. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1995.

познает те или иные ситуации, в какую из культурных и философских традиций он помещает себя самого, конструируя свое пространство провозглашения.

Дисциплинарный декаданс, или Возможно ли возрождение дисциплин?

Критика тревожной тенденции пролиферации дисциплин ради них самих и подмены внимания к реальным человеческим проблемам упиванием дисциплинарностью в последние годы оказалась в центре внимания многих ученых и получила разное терминологическое наполнение вплоть до «раздисциплинирования»¹⁶ как преодоления дисциплин. Наиболее точным из них, на мой взгляд, является предложенный современным афро-карибским философом Луисом Гордоном термин «дисциплинарный декаданс» или окостенение дисциплин, охватившее социальные и гуманитарные науки во второй половине XX в. Гордон ставит своей задачей «телеологическое откладывание» дисциплинарности¹⁷.

Под этим он подразумевает готовность обратиться к открытости идей и целей, на которых основывались дисциплины при своем зарождении. Это позволяет ему сдвинуть географию разума с ее западного места и провинциализировать европейский опыт и знание, представавшие до этого в качестве универсальных. Телеологическое откладывание дисциплинарности есть ее превосхождение с целью ее же возрождения. Последнее связано с деконструкцией того типа разума, который претендует на абсолютность и отличается деонтологизацией и детелеологизацией. Здесь крайне важна радикальная саморефлексия, без которой закрепощающие наше сознание силы могут легко заразить сам способ и метод представления идей. В этой позиции выражается особая феноменология, откладывающая собственные методологические претензии, и попытка сделать метод объектом вопрошания, поставив под сомнение его онтологический статус.

Гордон считает, что знание, упакованное в рамки дисциплин, поместило себя в ловушку, ведь проблемы, с которыми оно сталкивается, есть проблемы самих дисциплин, оторванных от реальности, от жизни и от социума. Такое метастазирующее «декадентное» знание обретает качество деонтологизации и застывает. В частности, это касается гуманитарного знания, создаваемого индивидами, страдающими корыстной недобросовестностью или самообманом. Акт недобросовестно-

¹⁶ *Castro-Gómez S., Mendieta E. (eds.). Teorías sin disciplina (latinoamericanismo, postcolonialidad y globalización en debate). México, 1998.*

¹⁷ *Gordon L. Disciplinary Decadence: Living Through in Trying Times. Boulder, 2006.*

сти – широко распространенный и нерелексируемый феномен, в основе которого лежит отрицание реальности жизненного мира и попытка уйти от свободы, ответственности, выбора и утвердить свою позицию в качестве единственно верной точки зрения, не замечая, что это только лишь мнение. Корыстная недобросовестность – это уход от неприятных истин к приятным самообманам, своеобразная форма мизантропии и войны против социальной реальности.

В понятии недобросовестности, как оно используется Л. Гордоном, переплелись два значения – юридическое понятие, которое означает, что истец в суде руководствуется дурными мотивами и тем самым заведомо ослабляет свое дело, и полемика с экзистенциалистским толкованием недобросовестности – *mauvaise foi*, введенным как философский термин Жаном Полем Сартром для описания отказа субъекта от полной свободы и выбора им позиции инертного объекта как формы самообмана. В трактовке Гордона самообман превращается в корыстную недобросовестность. Вместо нее он предлагает критическую добросовестность (буквально «хорошую», а не «дурную» веру), которая требует уважения к очевидности, доказательности и ответственности в социальном мире и в мире интересубъективных отношений¹⁸.

Смещая географию разума, Гордон начинает свою философию с того, что значит быть проблемой. Тем самым он перерезает пуповину, которая связывает с белизной западной философии и искривляет ее так, что философия используется против себя самой, в движении по направлению к деколонизации знания (эпистемологии) и бытия (онтологии), по направлению к жизни и реальным жизненным проблемам. Жизнь и мышление, по его мысли, требуют телеологической отсрочки дисциплинарности, при которой дисциплины преодолеваются ради сохранения верности реальности.

По мысли Гордона, поскольку разум шире рациональности, восприятие метода как деонтологического категорического императива есть форма дисциплинарного декаданса. Это смерть телеологического побуждения дисциплины, утрата ею связи с реальностью. Дисциплина начинает суживаться лишь до самой себя, рационализируя себя как миф, и скатывается в солипсизм. Что остается? Лишь «продолжать дисциплинарные практики, по сути, ритуалы, в которых методы оборачиваются закрытой методологией или... секуляризованной теодицеей... дисциплины... перестают коммуницировать с другими познавательными практиками. По мере нарастания этого процесса наступает имплозия: дисциплина сводится к субдисциплине или ее части»¹⁹. Гор-

¹⁸ *Gordon L.* Existential Africana: Understanding African Existential Thought. N.Y. ; L., 2000. P. 157.

¹⁹ *Гордон Л.* Не только инструмент хозяина: философия, наука и география африканского разума // *Личность. Культура. Общество.* Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2010. Т. XII, вып. 2 (55–56). С. 41–55.

ДЕКОЛОНИАЛЬНОСТЬ ЗНАНИЯ И ДЕКАДАНС

дон, однако, не считает, что дисциплины нельзя или не нужно возрождать. Следует только обратить внимание на изменчивость реальности и посмотреть на нее, откинув наши методологические предрассудки. Телеологическая трансформация дисциплинарности означает обращение к насущным вопросам и проблемам вопреки ограничениям дисциплин.

Гордону вторят и другие современные контекстные философы, например чикано-феминистка Чела Сандоваль, которая утверждает, что спасти от «академического апартеида» узкой специализации могут те предметные поля, которые обладают внутренней интенцией к созданию политических и интеллектуальных коалиций с другими *иными*. Ведь существующие дисциплинарные деления указывают на прочную связь знания и власти, поскольку та логика, которую они воспроизводят, концептуально является продуктом колониальных географических, гендерных, сексуальных и экономических властных отношений²⁰.

Поэтому для нее задачей современного интеллектуала является расшатывание бинарности общепринятых научных терминов и оппозиций и предоставление неких иных термов как основ концептуализации. Например, в ее случае речь идет не о мужчине и не о женщине, а о *другом* социальном поле. Этот третий терм порождает политическое дифференциальное сознание, открытое самым разным индивидам на основании доступа к особому психологическому состоянию, в рамках которого они являются жителями новой глобальной публичной сферы, создателями новой коалиции оппозиционного сознания.

Таким образом, сегодня важно озаботиться не вопросом о демаркации дисциплин определенного исторического контекста, а сформулировать задачу иначе, что позволит поставить под сомнение не только содержание, но и сами условия познания и диалога в эпистемологической области. Вместо изучения объектов в рамках разных дисциплин посредством их инструментов и в логике монотопической герменевтики требуется переход к плюритопической герменевтике транскультурной модели, в рамках которой различные знания диалогизируют о том, что есть знание как таковое. Вместо того чтобы использовать западный объект изучения дисциплин и свято верить в их методологию, следует задать вопрос о том, какое знание нужно, чтобы сделать мир более справедливым для всех, как сделать так, чтобы *изучение* этого мира во всех его проявлениях начало сменяться *накоплением понимания*.

Суть освобождения наук о человеке прекрасно иллюстрируется на примере философии образования Амаутай Уаси (Дома мудрости) –

²⁰ Sandoval Ch. Methodology of the Oppressed. Minneapolis ; L., 2000. P. 71.

Интеркультурного университета или плюриверситета коренных народов и наций Эквадора, на деятельности которого я остановлюсь в оставшейся части статьи²¹.

Философия деколониального (по)знания в действии: университет Амаутай Уаси

Амаутай Уаси направлен на развитие рефлексивных и интуитивных практик мудрости, а не на выращивание профессионалов западного стиля. Эта цель достигается организацией различных образовательных сред, «где строительство знания связано с исследованиями, диалогом и проектами и услугами»²². В этом университете в качестве знания расцениваются не только западная, но и незападные модели. А главное в стратегии образования – не предоставить студентам сумму фактов, неких абсолютных знаний, не научить их соответствовать национальным и государственным ожиданиям, а дать им возможность научиться «быть собой», что обязательно связано не только с овладением позитивным знанием, но и с необходимостью его соотнесения с непосредственным личным и общественным опытом. Философия и концептуальная структура учебного плана Амаутай Уаси раз-

²¹ Предваряя предсказуемое непонимание, связанное с тем, что подавляющее большинство интеллектуалов заражено хюбрисом нулевой точки отсчета, замечу, что я отнюдь не призываю всех слепо следовать этому примеру, разрушать существующие университеты или ехать в Эквадор, чтобы учиться у коренных народов. Речь идет лишь о том, что философия этого университета является практически полным воплощением принципов деколонизации знания и образования, реализации иного мышления как мышления самого иного. И в этом своем качестве (не буквальной воспроизводимости, а смены монотипической модели и плюрализации самих механизмов мышления) для меня, как и для других представителей деколониального поворота, является гораздо более привлекательной моделью, чем, например, гибрид палочно-бюрократического и корпоративного университета, который взял лишь формальные оболочки чужих моделей, выхолостив из них смысл, чем окончательно разрушил систему образования в нашей стране в последнее десятилетие. В основе здесь лежит простая мысль (лозунг сапатистов и Всемирного социального форума) – нужно построить другой мир, в котором было бы возможно сосуществование множества миров, а значит, и моделей знания и образования. Западный университет во всех его вариантах тогда будет действовать наряду и равноправно с другими моделями, но не подавляя их. Тогда образование не будет синонимично западному образованию, но станет плюриверсальным понятием, допускающим самые разные толкования. Иначе говоря, мы отказываемся от главной черты риторики модерности с ее скрытой логикой колониальности – обращения всех в свою веру, философию, образ жизни, экономический строй, систему образования, отказываемся от претензий на истину и на то, что мы вправе ее нести всем людям. Критикуя модерность, мы предлагаем другой путь не с тем, чтобы насаждать его повсеместно. Более того, этот путь – открытая утопия, которая основана на принципе вопрошания, а не готовых ответов и теорий, которые закрытые утопии (например, социализм или либерализм) до сих пор привносили в мир и затем заставляли всех исполнять.

²² Garcia J. Sumak Yachaypi, Alli Kawsaypipash Yachakuna: Aprender En La Sabiduria Y El Buen Vivir = Learning Wisdom and the Good Way to Live. UNESCO. Universidad Intercultural Amawtay Wasi. 2004. P. 329.

межевываются с историей западного университета как института, но это не значит, что они целиком основаны только на некоей архаической индейской космологии.

Размежевание означает сдвиг в географии разума и организацию знания с америндской позиции вместо прежней западной или местной карикатуры на нее. Амаутай Уаси не отвергает существующее знание в науках, технологиях, медицине и социальных и гуманитарных направлениях. Но он подчиняет его видению, нуждам и жизненному стилю коренных народов. Этот университет основывается не на эссенциалистском понятии знания, а на пограничном гнозисе. А интеркультуральность становится выражением эпистемологии и герменевтики, основанной на кросскультурном диалоге, трансдисциплинарном подходе и импаративной философии в духе Р. Паниккара (от лат. *imparare* – обучаться в атмосфере плюрализма²³).

В центре когнитивной и образовательной матрицы Амаутай Уаси стоит глубинный принцип тесной взаимосвязи между бытием, экзистенцией и человеческой деятельностью, принцип реляционно-опытной рациональности и строительства знания не вне экзистенциального опыта человека, не путем представления проблемы вне контекста, а путем постоянного и никогда не завершаемого процесса учебы как разучивания и новой учебы, основанных на сложности и относительности, комплиментарности и взаимности и на сдвиге от субъектно-объектности к субъектно-субъектности, к переходу от аккумуляции знаний к их критическому и креативному пониманию и интеграции в мудрость. В такой модели университета происходят эмансипация знания и бытия и поддержка сообществ со стремлением «жить хорошо», а не «жить лучше соседа», как в западной модерности. Это предполагает реляционную динамику людей, природы, космоса. Образование должно научить этому реляционизму, символическому опыту и языку как пути приближения к пониманию того, что значит жить хорошо²⁴. От проектов, подобных Амаутай Уаси, следует ожидать именно сдвига в географии знания и самих целях (по)знания и понимания. Сдвигая географию разума, мы ставим под сомнение колониальность знания и совершаем радикальный пересмотр ее оснований и принципов, а также и права на монополию знания как такового. Целью такого сдвига является не разрушение, а созидание иной модели знания и понимания мира и человека.

Итак, вопрос не столько в том, чтобы реорганизовать университеты согласно принципам, созвучным эквадорскому плюриверситету, связать их с локальными историями и космологиями или проблемати-

²³ *Panikkar R.* What is comparative philosophy comparing? // *Interpreting Across Boundaries: New Essays in Comparative Philosophy.* Princeton University Press, 1988. P. 116–136.

²⁴ *Garcia J.* Op. cit. P. 289.

зирать прежние дисциплины, а в том, чтобы пойти дальше университета, совершить сдвиг в географии разума, поменяв отношение к интерпретации интеллектуалами в мире реальности, истории, философии и человека. И в этом процессе принцип Абя Яала «учиться разучиваться, чтобы учиться снова, но на других основаниях» может оказаться актуальным не только для америндов.

Такого рода проекты проблематизируют геополитику и телесную политику знания и представляют собой трансэпистемологическое взаимопроникновение и полилог. Это может способствовать созданию более справедливого и плюриверсального мира, в котором будут сосуществовать многие миры и где экономические цели не будут состоять лишь в накоплении богатства в немногочисленных руках, целью политики перестанет быть концентрация власти у горстки людей, а корпоративные ценности, связанные с эксплуатацией, коррупцией, радостным потреблением и накоплением денег и товаров, перестанут рассматриваться как единственная дорога к будущему.